

С тех пор как в доме сложили кан и в комнатах воцарилось долгожданное тепло, мало кто из обитателей конюшни горел желанием лишней раз высовывать нос за порог. Единственным исключением был Цзян Цун.

Каждый день он уходил в ледяную пустошь: ловил рыбу, носил воду и собирал дрова. Нередко он покидал жилище еще до рассвета, а возвращался лишь в густых сумерках — весь припорошенный снегом, пропахший колючим зимним ветром и неизменно обвешанный добычей. Ли Цинвэнь взял на себя заботу о его обуви. Каждый вечер он пристраивал промокшие сапоги у очага и вскоре наловчился сушить их мастерски.

Однако их рыболовные успехи не остались незамеченными. Когда каторжане наловили уже несколько сотен цзиней рыбы, весть об этом разнеслась по гарнизону. Не успели они притащить последний улов в дом, как нагрянула группа солдат и бесцеремонно забрала все корзины.

Ссылным не полагалось иметь частной собственности, даже если это был простой улов из замерзшей реки.

Солдаты не просто отобрали рыбу, но и под конвоем увели Цзян Цуна, Цзян Липина и остальных на допрос. Пленников долго держали под замком, не давая ни капли воды, ни крошки еды, и раз за разом заставляли выслушивать наставления о местных порядках. Законы империи в отношении ссылных были крайне суровы, и любое нарушение устава каралось жестоко. И хотя в том, что люди наловили рыбы, не было прямого преступления, стражники использовали этот повод для острастки.

Ли Цинвэнь и остальные места себе не находили от беспокойства, порываясь идти и требовать объяснений. Однако Старина Син лишь предостерегающе покачал головой:

— Сейчас они просто показывают, кто здесь хозяин, да набивают себе карманы. Если пойдете туда — только лишних бед накличете.

В это время в холодном помещении гарнизона задержанные стояли со связанными руками. Вокруг них плотным кольцом сомкнулись воины в кожаных шапках, а во главе, на возвышении, восседал крепкий краснолицый мужчина — надзиратель Лу Ган.

Лу Ган лениво приподнял тяжелые веки, оглядывая каторжан:

— Вы ведь люди служивые, в лагерях бывали, а значит, должны понимать: без порядка нет и мира. Не успели вы ступить на эту землю, как начали нарушать правила. Видать, плохо я вас воспитываю.

Цзян Липин, знавший изнанку армейской жизни и понимавший, что надзиратель просто хочет сломить их волю, выдавил подобострастную улыбку:

— Господин, мы осознали свою вину. Впредь такого не повторится.

Краснолицый мужчина даже не удостоил его взглядом. Он лишь глубже зарылся в густой мех, устилавший его кресло. Стоявший рядом солдат тут же рявкнул:

— Заткнись! Кто тебе слово давал? Совсем стыд потеряли, скоты!

— У нас здесь заведено так: за проступок следует кара, — ровным голосом произнес Лу Ган. — Поскольку вы здесь люди новые, на первый раз назначим по двадцать плетей каждому. В следующий раз — удвоим.

Стоило ему договорить, как стражники, точно голодные псы, набросились на каторжан. С мужчин сорвали верхнюю одежду и по одному потащили в соседнюю комнату.

Первым толкнули Цзян Липина. Его прижали к скамье, и он, надеясь на милость, поспешно выудил из рукава припрятанный кусочек серебра. Солдат мгновенно выхватил монету, но лишь холодно усмехнулся:

— Ловко ты, парень. Да только поздно — ни одного удара не спишу.

Свистнула плеть. Удары были не смертельными, но и милосердными их назвать было нельзя. Бывший военный лишь стискивал зубы от обжигающей боли.

Когда он, пошатываясь, вышел обратно, подошла очередь Цзян Цуна. Но в этот момент тяжелые двери распахнулись с улицы, и в залу вошли несколько человек.

Во главе шел молодой мужчина в белоснежной шубе из лисьего меха. Красивое лицо, благородная осанка, а в воздухе за ним плыл тонкий аромат сандала — этот юноша казался выходцем из богатого столичного дома, совершенно неуместным в этой дикой глуши.

Увидев гостя, Лу Ган тут же вскочил с места и отвесил низкий поклон:

— Приветствую господина Чжоу!

Прибывший равнодушно скользнул взглядом по комнате.

— Что здесь происходит?

— Обучаю новоприбывших соблюдению правил, — почтительно отозвался надзиратель.

Господина Чжоу, впрочем, это мало заботило.

— Понимаю. Трудитесь, господин Лу. Я слышал, вы собираетесь на большую охоту? Хотел бы и я составить вам компанию.

Лу Ган посмотрел на изящную грелку в руках юноши и про себя презрительно хмыкнул, но на лице сохранил выражение глубочайшего почтения:

— Выступаем через два дня.

Гость, словно боясь испачкать дорогие одежды, даже не присел. У самых дверей он вдруг обернулся:

— Эти каторжане выглядят довольно крепкими. Возьмите их с собой на охоту.

Надзиратель и сам планировал поступить так же, поэтому лишь поспешно закивал в знак согласия.

Как только Адъютант Чжоу ушел, экзекуция продолжилась. Наказание закончили, когда уже совсем стемнело. Перед тем как отпустить каторжан, солдаты заставили их выпотрошить и вычистить всю отобранную рыбу. Только закончив работу и получив приказ явиться через два дня, избитые люди смогли вернуться к себе.

Когда они, пропахшие рыбьей чешуей и кровью, переступили порог конюшни, Ли Цинвэнь и остальные тут же бросились им навстречу.

Стоило мужчинам снять куртки, как взглядам открылись багровые полосы от плетей, перечеркнувшие их спины. Люди, едва сдерживая стоны, проклинали стражников.

Дождавшись, пока пострадавшие немного согреются, Ли Цинчжо принялся обрабатывать их раны. Старина Син, наблюдая за ними, тихо произнес:

— Лекарство-то поберегите. Впереди еще много таких побоев будет, поберегите для спасения жизни.

У Ли Цинвэня от этих слов в горле встал ком. Если бы не его затея с рыбой, Цзян Цуну и остальным не пришлось бы терпеть эти муки.

Заметив его поникший вид, Цзян Цун негромко сказал:

— Не кори себя. Не из-за рыбы, так из-за чего другого бы прицепились. Здесь от этого не уйдешь.

— И то верно, — добавил кто-то другой. — Мы теперь — мясо на плахе, никак не воспротивиться. Остается только прижать хвост и терпеть.

— Если они и дальше будут так нас изводить, я хоть одного из этих выродков с собой в могилу заберу! — яростно выдохнул один из каторжан. — Я смерти не боюсь, поглядим, так ли храбры эти сукины дети!

Цзян Липин лишь нахмурился, не мешая товарищу изливать гнев.

Старина Син замахал руками:

— Полно вам, не стоит лезть на рожон. Сейчас они свое получили, в другой раз без повода трогать не станут. Главное — поменьше попадайтесь им на глаза и, упаси небо, не гневите надзирателя Лу.

— Что он за человек, этот Лу Ган? — Цзян Липин попытался разогнуться, но тут же поморщился от боли в спине.

Старина Син помедлил, а затем прошептал:

— Перед начальством хвостом метет, а над теми, кто ниже, измывается почище палача. Запомните: если хотите здесь выжить, с ним лучше не враждовать.

В камерке воцарилось уныние. С таким человеком во главе их жизнь в ссылке обещала стать невыносимой.

Цзян Цун поднял голову:

— А кто такой этот господин Чжоу?

— Адъютант Чжоу? — Старина Син отхлебнул горячего имбирного отвара. — Из столицы прибыл. Говорят, сынок какого-то знатного рода. Меч в руках удержать не может, а всё туда же... Видать, совсем у него в голове помутилось, раз приехал в эту глушь страдать.

— Лу Ган людей без зазрения совести плетью сечет, а этот Чжоу и глазом не повел. Видать, такая же никчемная душа, — сплюнул кто-то в сердцах.

Когда первый пыл гнева утих, Цзян Липин произнес:

— Положение наше изменилось, и как прежде уже не будет. Придется учиться гнуть спину и помалкивать. А если станет невмоготу — вспоминайте о матерях и детях, что остались дома.

После этих слов в комнате повисла тяжелая, мертвая тишина.

Ли Цинжуй оглядел поникших товарищей:

— Не всё потеряно. Бывают же великие амнистии, глядишь, когда-нибудь и с нас вину снимут.

Это была их единственная соломинка, единственная надежда.

Ли Цинвэнь, который в это время грел у очага штанины Цзян Цуна, задумчиво спросил:

— А нельзя просто откупиться? Вы ведь сожгли подношения — ущерб велик, но разве нельзя возместить его деньгами и снять обвинения?

Каторжане, до того сидевшие с похоронными лицами, невольно горько усмехнулись:

— Мальчик, ты хоть представляешь, сколько стоили те подношения?

— И сколько же? — не унимался Ли Цинвэнь. — Шёлк и бумага — дело рук человеческих, а не какие-то заморские сокровища.

При упоминании о сгоревшем грузе люди лишь тяжело вздыхали. Цзян Цун осторожно отвел руку мальчика от огня и пояснил:

— Тот шёлк был не из простых. Это шёлк огненного шелкопряда, особенность нашей провинции Хунчжоу. Его блеск неповторим, потому он и шел ко двору. Эти шелкопряды едят листья только с тех тутовых деревьев, что растут вдоль одной рудной реки. Это великая редкость, предназначенная лишь для императорской семьи. Простому люду его носить запрещено.

Подросток притих. Его воображение явно не поспевало за прихотями владык.

Цзян Липин добавил:

— А Даньская бумага из Хучжоу — белее снега и гладкая, как фарфор. Ее, конечно, и простые люди купить могут, да только цена у нее баснословная.

— И всё же, — упрямо продолжал Ли Цинвэнь, — какова цена этого ущерба? Должна же быть какая-то цифра!

— Двести восемьдесят тысяч таэлей серебра, — ровно произнес Цзян Цун. — В приговоре сумма убытков была завышена почти вдвое против реальной стоимости. Так решили наверху.

Дядя Маоцюнь от такой цифры едва воздух не потерял. За всю жизнь он и двадцати восьми таэлей в руках не держал, а о сотнях тысяч не мог и мечтать.

— Да будь те вещи хоть трижды золотыми, больше нескольких десятков тысяч они не стоят! Но раз это императорский дар, цену они вольны назначать какую вздумается. Всё равно нам таких денег не вернуть, вот и пишут что хотят, — с горечью выплюнул кто-то.

Ли Цинвэнь плохо представлял себе гору серебра в четверть миллиона таэлей, он лишь спросил:

— Если возместить эти деньги, вы будете свободны?

Один из ссыльных по имени Ци Минь прыснул со смеху:

— Я каждую ночь сплю и вижу амнистию! Но чтобы мне пригрезилось такое богатство — на такое даже моей фантазии не хватит!

Цзян Липин тоже невольно улыбнулся:

— Жалованье солдата — всего несколько таэлей в год. У меня побольше было — двенадцать. Если все мы здесь соберемся и будем сто лет работать, не ев и не пив, то и десяти тысяч не соберем. Эта сумма для нас дальше, чем луна в небе. К тому же нам теперь и ломаного гроша иметь не дозволено.

Ли Цинвэнь хотел было сказать, что всё в руках человека, но понимал, как пусто прозвучат эти слова из уст подростка, у которого в кармане ни гроша. Он закусил губу, но всё же не удержался:

— Если серебром можно искупить вину, значит, есть путь. И отступаться нельзя.

Слова полились сами собой:

— Если случится амнистия — тем лучше. Но кто знает, когда она будет? А заработать деньги — это то, что мы можем сделать сами. Это и должно быть нашей главной целью.

В камерке снова воцарилось молчание. Если бы эти слова произнес кто-то другой, его бы подняли на смех. Но перед ними стоял тринадцатилетний мальчишка, который, презирая мороз, привел своего благодетеля в этот край. В глубине души каждый чувствовал к нему уважение.

— Хорошо! — внезапно нарушил тишину Цзян Цун. В его черных глазах вспыхнул решительный огонь. — С этого дня я буду уходить на охоту еще чаще. Всю пушнину будем сохранять для продажи.

Ли Цинвэнь радостно прищурился:

— Раз вам не положено иметь имущество, всё отдавайте мне! Я найду, как продать. В наших краях мех в большой цене. А еще, кроме охоты, можно заняться землей. Вон ее сколько кругом, зря пропадает! К тому же здешняя почва куда жирнее нашей деревенской. Знаете что? Я решил: не вернусь я домой. Останусь здесь и буду пахать эту землю!

<http://bllate.org/book/15828/1437068>